

РОСТИСЛАВ КОТ КАК СУМА МЕНЯ ВЕНЧАЛА

Выбор награды

Проект Черная Игла
Книга третья

16+

Чёрная игла

Ростислав Кот

Как Сума меня венчала

«Автор»

2016

Кот Р.

Как Сума меня венчала / Р. Кот — «Автор», 2016 — (Чёрная игла)

ISBN 978-5-532-05798-2

Главный герой Ачет по прозвищу Космонавт – агент секретной службы малонаселённой звёздной колонии, которой угрожает межпланетная война, вторжение более «цивилизованных» миров. Вражеские диверсанты пытаются взорвать единственный реактор окраинной планеты, чтобы лишить её возможности обороняться. Где же храбрый агент должен встретить свою любовь, как не рядом со сверхмощной бомбой, вокруг которой валяются подстреленные враги? Однако взрыватель продолжает отсчитывать секунды жизни... Это третий эпизод проекта «Чёрная игла», продолжение романов «Ты избран» и «Лицо лжи». Любовь – лучшая награда за сражение, о котором все должны молчать!

ISBN 978-5-532-05798-2

© Кот Р., 2016

© Автор, 2016

Содержание

Ночь летнего солнцестояния	7
Операция в Пхата	25
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ростислав Кот

Как Сума меня венчала

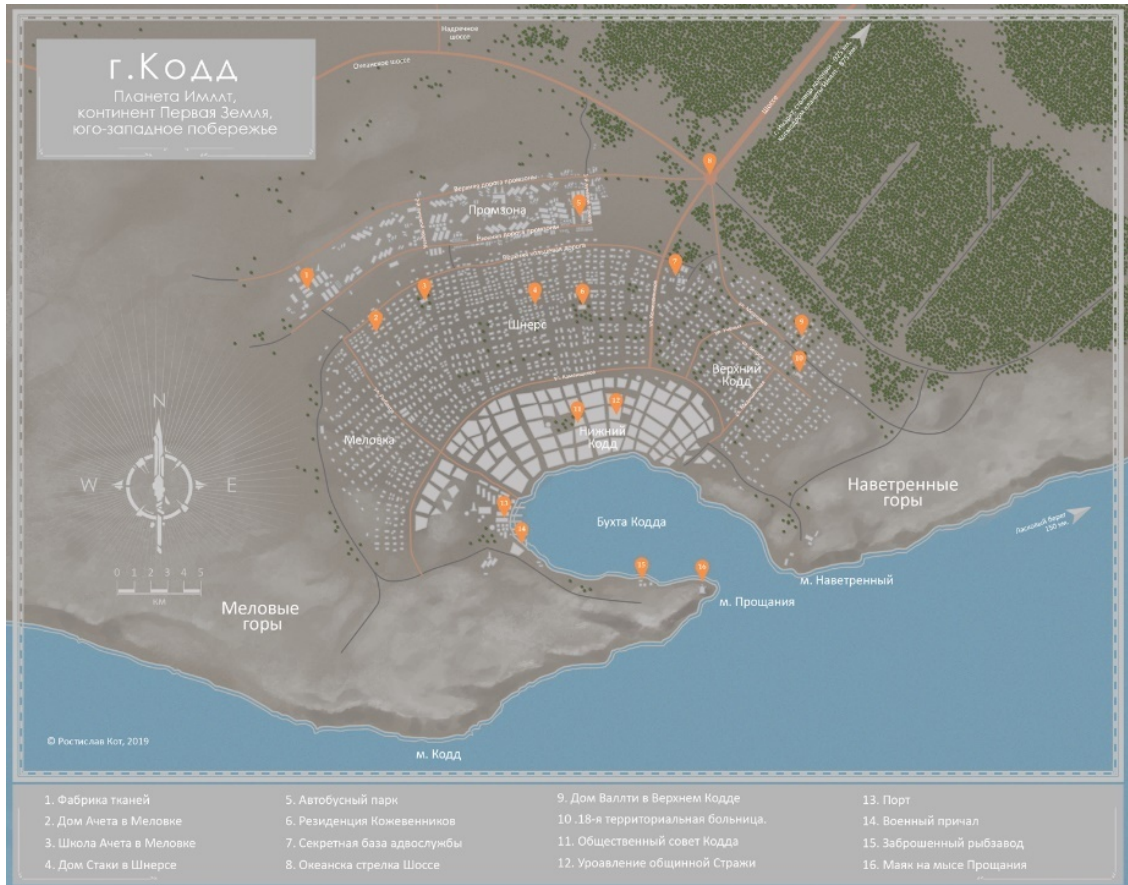
Любовь сильнее смерти. Это говорю я, чьи родители любили друг друга и погибли в бою в один день.

*Ии, Великая правительница Имллт, «Послевоенные дневники», т. 1, св. 2
(Библиотека общины Кожевенников, г. Кодд)*

*Да не спорь ты с собою,
Подняв смерть за цевьё,
Не грусти перед строем
Про своё житиё.
Что прожил перед боем –
То теперь и твоё...*

Ии, Великая правительница Имллт, «Послевоенные дневники», т. 5, св. 1 (Библиотека общины Кожевенников, г. Кодд)

Ночь летнего солнцестояния

Такая ночь бывает только раз в году – во время царствования света на земле, в день летнего солнцестояния, когда разрыв между вечерними и утренними сумерками сокращается всего до нескольких часов. И почему-то именно в эту щёлочку тьмы всегда и норовит проскользнуть большое зло...

*Ии, Великая правительница Имллт, «Послевоенные дневники», т. 1, св. 3
(Библиотека общины Кожевников, г. Кодд)*

По часам уже ночь, а солнце село всего час назад. Сумерки почти угасли. Я стою на взлётной площадке для нашего служебного катера, засунув руки в карманы и задрал голову к разгорающимся звёздам, которые видны в разрывах туч. Зовут меня Ачет, оперативный позывной – Космонавт.

Я ещё не знаю, что это ночь перед боем. Наверное, самым серьёзным боем в моей жизни. Да что там – следующие сутки перевернут всю мою жизнь так, как я и предположить не мог...

Днём было жарко, а как стемнело – пришла прохлада. И я радуюсь тому, что решение сходить проветриться на территорию базы оказалось правильным.

Наружного освещения у нас, как и полагается на секретной базе, конечно, никакого нет. Кругом темнотища. Но я тут и в темноте отлично ориентируюсь.

Чтобы размяться, я прошёлся туда-сюда по бетонированной взлётной площадке, поглазел на слегка фосфоресцирующие в темноте широкие белые полосы разметки – большой посадочный круг и намалёванные внутри него кресты для выверки навигационной системы. Заглянул в чуть приоткрытые ворота ангара, где дремала до поры крылатая машина. Потом побродил у гаража...

Сильный прохладный ветер гулял по кустам на краю лётной площадки, тревожным шелестом листья разгоняя ночную тишину. Я всё ждал, пока он окончательно выдует из меня сон. Я уже свыкся с мыслью, что и в этот раз отоспаться на дежурстве не удастся.

Собственно, я каждый раз рассчитывал отоспаться. Ну, конечно, только в те ночные дежурства, когда мы не куролесим где-нибудь по берегам Уараты или не мёрзнем в какой-нибудь нудной засаде. Но каждым спокойным вечером наш шеф по прозвищу Сержант подкидывал мне на ночь глядя какую-нибудь работу. На самом деле, по званию он – полковник, руководитель оперативного крыла адвослужбы колонии Имллт. И в искусстве придумывать разнообразную работу ему нет равных. То с документами что-то делать, то оружие в порядок приводить... Я и сегодня ждал чего-то такого. Но уже стемнело, а командир меня пока никуда не дёрнул. Вообще-то время уже близится к полуночи – всё-таки летнее солнцестояние, темнеет очень поздно. Вот я и решил – чего там до утра осталось? Лучше дома потом спокойно отключусь...

Так, пора приводить себя в порядок! Самопроверка! Много лет назад, ещё в самом начале службы, Сержант научил меня этой мысленной процедуре самоконтроля. И с тех пор она вошла в привычку. Очень помогает! Итак...

Место действия...

Планета Имллт, внешний сектор колоний Малого кольца.

Континент – Первая Земля, юго-западное побережье.

Северная окраина Кодда, второго по величине города колонии.

Секретная база оперативного крыла адвослужбы колонии Имллт. Стоим на страже внешних границ колонии и разрешаем всякие межпланетные инциденты вроде вылазок контрабандистов и происков шпионов. А внешняя граница у нас одна – космос.

Время...

23:25 по местному времени, примерно через час после захода солнца.

Сегодня 23-е Света, первого месяца лета, 1366 год от Закрытия Вечного Моста.

Вечный Мост – это то, что соединяло наши миры с миром Праматери или, как его ещё называли, Землёй.

До межзвёздной войны, предсказанной в Послании, которое я почти два года назад приволок с Космодрома на своей профессиональной карте, осталось чуть больше семи лет.

Оружие...

Пистолет в кобуре подмышкой. Для большинства случаев этого хватает, основная работа у нас – головой и ногами. Хотя бывает и по-другому...

Связь...

Рация на поясе. Брелок специальной секретной связи, как всегда, – на груди, на цепочке. Брелок этот – вещь хитроумная. Передаёт информацию медленнее рации, зато ни обнаружить передачу, ни экранировать её невозможно. И помехам он неподвластен.

Состояние...

Нормальное, рабочее состояние. Спать только хочется.

Внешний вид...

Вид боевой. Степень потрёпанности невысокая.

План действий...

Дежурить дальше! Служба... Других вариантов сейчас нет. А планы в такой ситуации должны быть у руководства. Ну, ещё, может, у тайных противников нашей колонии...

Я вернулся в комнату дежурной смены. Тут у нас было нововведение – почти в центре, где раньше рядами стояли стулья для дежурных, теперь торчала увесистая восьмигранная металлическая тумба, рядом с которой был оборудован кустарный пульт. Над этой тумбой вечно висела голограмма, где поверх зеленоватой объёмной карты юго-западного побережья нашего континента были прочерчены голубые коридоры взлётных и посадочных трасс Космодрома. Это был выносной терминал его гравитационного локатора – мне сказали, что для нас его выхлопотал Папаша Корн, руководитель таможенного крыла нашей адвослужбы, раскопав какой-то пункт в межпланетном законодательстве. А основанием послужил прошлогодний взрыв на таможенном терминале. Где я как раз и подорвался... Оказалось, что, помимо происков инопланетных диверсантов, там ещё и какие-то права колонии по контролю над оборотом грузов оказались нарушены, вот к этому господин Корн и прицепился, в очередной раз одолев межпланетную бюрократию.

Получается, что и я приложил руку к тому, что у нас теперь было это чудо с голографическим экраном, где город Кодд с бухтой и всё побережье вплоть до Ласкового берега выглядели как крохотный сказочный мир. К тому же, этот полный добрых красок мирок был щедро украшен перемигивающимися цветными огоньками, которые все что-то там означали, да узорчатыми, сотканными прямо из воздуха паутинками надписей на языке технический итик, в которых всегда был глубокий смысл...

Терминал у нас появился не так давно, а я уже представить себе не мог, как мы раньше умудрялись нести службу без него. Теперь каждый садящийся и взлетающий корабль был как на ладони. Гравитационный локатор не только позволял следить, чтобы никто особо не выходил из установленных взлётно-посадочных коридоров, но и тут же обнаруживал любую попытку что-то сбросить – у нас вспыхивала сигнализация о том, что корабль потерял какую-то часть своей массы. Чувствительность локатора Космодрома, этого гигантского сооружения, управляемого искусственным разумом, была поразительна – за полторы тысячи километров он легко определял потерю массы всего в десятки килограммов.

Благодаря этому адвослужба только за последний месяц накрыла три крупных контрабандистских груза. Причём в двух эпизодах отличилась наша смена. Один раз даже пострелять пришлось.

С точки зрения удобства перехвата дислокация нашей базы почти идеальна. Как подсказывает здравый смысл, если учитывать диапазоны скоростей и высот полёта, то что-то втихаря сбрасывать со звёздного корабля удобнее всего при заходе на посадку. Только на посадочной трассе он сравнительно медленно и относительно невысоко летит, и продолжается это достаточно долго. Ну, то есть, скорости околосвуковые, высота всего-то километров двадцать-тридцать, не больше, и на сброс есть несколько десятков минут.

Звёздный корабль – это средоточие невероятной мощи, и в атмосфере планеты он может выполнить любой манёвр, да только энергию зазря тратить никому не хочется. Вот и идут корабли по траектории, наиболее выгодной с точки зрения баллистики и аэродинамики.

А поскольку Космодром у нас расположен в средних широтах северного полушария, то к нему ведёт два пучка посадочных трасс – юго-западный и северо-западный. Подлетают к нам все, в основном, с юго-западного направления, со стороны океана. И все три юго-западные посадочные трассы как раз проходят через сам Кодд и ближайшие к нему участки побережья.

Именно тут, у границы воды и суши, в глухомани, но поблизости от населённых районов, контрабандистам выгоднее всего проводить свои операции. А юго-западная трасса номер три, коридор которой проходит над восточными отрогами пустынных и пологих Наветренных гор и слегка захватывает кусок двухсоткилометрового пляжа под названием Ласковый берег, где народ тоже селится неохотно, так просто создана для тайных забросок инопланетного товара.

Пучок северо-западных трасс проходит над совершенно не обжитыми районами континента, и наземные операции там крайне затруднены. К тому же, теми трассами редко кто пользуется. Не знаю почему, может, звёздная логика так написана... Но, во всяком случае, что-то там устраивать – это самый верный способ привлечь к себе внимание, чего контрабандисты очень не любят...

Из-за появления в комнате дежурной смены замечательной высокотехнологичной штуковины, так удачно дополнившей простую восьмигранную пирамидку информационного терминала Космодрома, которая была у нас уже давно и занимала своё место на отдельной тумбе у командирского стола, пришлось сделать перепланировку. Стулья, которые раньше стояли в несколько рядов, отодвинули к стенам. И теперь стало невозможно привычным образом дрыхнуть на дежурстве, как раньше – сложив руки на спинке стула предыдущего ряда и пристроив на них отяжелевшую голову. И потому Стáки, мой напарник, засыпая, развалился на этих стульях у стены, раскинув в стороны жилистые руки. Они торчали из коротких рукавов майки защитного цвета, точно отставной лейтенант пытался обнять весь мир. Голова его запрокинулась и вывернулась вбок. Конечно, ему было неудобно. Но чем я мог помочь бедняге? Стоя посреди комнаты, я мог лишь хмуро созерцать лепной рельеф мускулатуры его рук и шеи с острым выдающимся кадыком. Хорошо ещё не захрапел дружище Стаки, против правил уснув на дежурстве...

Красен был мужик постарше, и потому он поступил хитрее – сдвинул три стула в угол и при своей плотной комплекции даже не выглядел спящим, только нос опустил.

За пультом выносного терминала сегодня сидел Йец. Он вечно надевал на дежурство какие-то модные цветастые рубашки, которые висели на его худющих плечах, как на швабре. И Сержант, неодобрительно поглядев, обычно давал ему какую-то особо муторную задачу. Вот, к примеру, сегодня спать ему было никак нельзя: он сидел за терминалом локатора. Вытянув цыплячью шею, парень только моргал слипающимися глазами, обречённым взглядом провожая ползущую по голограмме алую точку очередного садящегося корабля. Жёсткие чёрные волосы его стояли торчком – я заметил, что привычка постоянно ерошить их проявлялась чаще, когда он волновался или сильно уставал.

Лучше всех устроился Саст. Наш красавец-шатен, гроза женских сердец, падких до идеального телосложения, сегодня был назначен оперативным дежурным. В дежурке, в этой прозрачной крепости из бронестекла, был не только стул, но и стол. В стол-то он и уткнулся лбом. Руки его были сложены на затылке – похоже, он сначала подпирал ими голову, но потом наш дежурный задремал, руки ослабли, и башка его плавно «зашла на посадку». Вообще, из всех троих дрыхнувших его поза выглядела самой комфортной – ну что ж, должны быть хоть какие-то преимущества у оперативного дежурного...

Это произошло неожиданно. И началось всё не с благородного и понятного любому воину «бабаха», а всего лишь с противного пиликанья допотопного динамика где-то в недрах нашего самодельного пульта. Поморщившись, я повернул голову к источнику звука и тупо смотрел, как разматывается паутинка алых предупреждающих надписей вокруг отметки снижающегося корабля.

Йец встал со своего вращающегося кресла, чтобы лучше видеть голограмму. А пиликанье всё не смолкало. Тогда я подошёл и встал рядом с нашим аналитиком. Первым делом, как учили, я прочёл общие данные на самом краю голограммы. Это был второй рейс за текущие сутки и только двести второй с начала года – в ту пору не так-то много кораблей посещало Имлт. Светящаяся точка звёздного корабля ползла через океан по нарисованному проектором голубому коридору третьей юго-западной посадочной трассы, призрачных голографических границ не нарушала и уже приближалась к побережью, как вдруг с ней случилось что-то, что и стало причиной пиликанья.

– Двести второй, потеря массы... – как зачарованный проговорил Йец. – Высота сорок... Скорость тысяча триста...

– Ну и чего? – я слегка толкнул Йеца плечом.

Я-то уже понял, что произошло. И сразу сообразил, что нужно делать. А вот Йец наш аналитиком был прекрасным, а до оперативника ему ещё было расти и расти. В сложных ситуациях он пока ещё терялся.

– Тревога... – упавшим голосом произнёс Йец.

Услышав это слово, Стаки вздрогнул и приподнял запрокинутую голову. Я всегда поражался особенностям его армейского мозга. На некоторые ключевые слова он в любых ситуациях реагировал предсказуемо.

Стаки удивительно легко поднялся. Протирая кулаками глаза, он подошёл и встал рядом с нами. Секунд пять анализировал ситуацию.

– Тревога... – опять негромко повторил Йец.

– Э, не так нужно, – Стаки по-дружески хлопнул Йеца по плечу.

Набрав в лёгкие воздуха, бывший лейтенант запрокинул голову и, разведя в стороны руки, завопил на всю комнату:

– Тревога!!!

Потом он взял руку Йеца и его пальцем нажал на пульте большую красную кнопку с соответствующей надписью. И тотчас же по всем помещениям базы раздались резкие звонки тревожной сигнализации.

Красен, очнувшись ото сна, выскочил из своего угла как ошпаренный, чуть стулья не опрокинул. Краем глаза, через бронированное стекло, я увидел, что Саст тоже проснулся и теперь лихорадочно нажимает что положено на пульте оперативного дежурного. А я, нахмурившись, пытался в нарастающей суете отследить по голограмме развитие ситуации с кораблём-нарушителем.

За прошедшие два десятка секунд ниже переливающейся метки корабля прорисовалась крохотная рубиновая точка и, помедлив ещё секунду, терминал гравитационного локатора начал выдавать для неё отдельные данные – вязь кроваво-красных узоров из надписей на техническом итике тоже стала опутывать её, формируя своеобразный невесомый шлейф, словно за падающим метеором. Звонки боевой тревоги сделали то, с чем ночной ветер так и не справился до конца – весь мой сон как рукой сняло. Я читал все сообщения слёту, полученные ещё в юности знания заработали на всю катушку. Космос снова тянулся к нам через установленные Космодромом границы, и от этого у меня внутри пробудился знакомый холодок.

В комнату быстрым уверенным шагом вошёл Сержант, и я физически ощутил, как пространство вокруг наполнилось его волей – этому феномену, каждый раз возникавшему во время тревог, я не мог найти объяснения. Он появился из своего личного кабинета. Наверняка тоже спал – живой же человек, как все мы. Но, в отличие от нас, он вовсе не выглядел заспанным. Только прозвучала ночная тревога – и он уже полностью одет. Причём во всё чёрное – армейские ботинки, куртка, брюки... На его лице, совершенно невыразительном, опасно поблескивали голубые глаза. Приглаживая свои редующие светлые волосы, шеф подошёл к голограмме гравитационного локатора и коротко кивнул Йецу:

– Докладывай!

Йец, одолев наконец растерянность, начал что-то чётко барабанить про курс, скорость, высоту и третью юго-западную посадочную трассу.

– Масса какая? – потребовал уточнить Сержант, ткнув пальцем в отделившуюся от звёздного корабля точку, которая всё больше от него отставала.

– От восьмисот килограммов до тысячи... Потеря массы корабля была больше килограммов на сто...

– Это ясно, сопутствующий выброс газа... – прервал его шеф. – Удаление от побережья сейчас какое?

– Корабль уже прошёл Наветренные горы...

– Да я не про корабль спрашиваю! – я чувствовал, что Сержант начинает сердиться, глядя на наши сонные и слегка растерянные морды. Про корабль всё было и так видно на голограмме – он, опережая сброшенный груз, уже пересёк береговую черту и уходил вглубь континента, к далёкому пока ещё Космодрому.

– А оно... – Йец слегка запнулся, так как название для того, что отделилось от корабля, он пока даже сам для себя не подобрал, однако тут же продолжил, без дальнейших колебаний перепрыгнув через невнятное местоимение и вытаращив глаза от усердия. – Сейчас оно над Ласковым берегом...

– Рассчитать район падения! – последовал чёткий приказ, словно Сержант не агентами сейчас командовал, а огневой батареей.

Йец тут же бросился к пульту, пальцы его забегали по сенсорам, и от коварной красной точки, укутанной в огненное кружевное гало из выданных контрольной системой Космодрома предупреждающих надписей, протянулась вперёд и вниз оранжевая ниточка параболической кривой. В конце её, там, где линия коснулась объёмной карты побережья, синей кляксой расплылся неровный эллипс ожидаемой зоны падения. Это оказался глухой район в

нескольких десятках километров от побережья. Ласковый берег, в силу своих природных особенностей, место малонаселённое. Но загадочный объект метил просто вообще в никуда.

– Что-то поздно сбросил... Ни на берег, ни в прибрежные воды не попадает... – вполголоса высказался Красен. – На контрабандистов не похоже. К чему так? Там же ни посёлков, ни дорог...

– Верное замечание! – повернулся к нему Сержант.

Но во взгляде командира явно читалось, что в этот раз он ожидал от своего агента несколько большего. И от Красена это не ускользнуло.

– Это должна быть маневрирующая цель... – неуверенно добавил тот и посмотрел на Сержанта.

– Уклоняется в сторону! – тут же, словно эхо, выкрикнул Йец из-за пульта.

– Цель маневрирует! – поправился он, с благодарностью подхватив подсказанное товарищем слово.

Видно было, как скомканная под рельеф местности синяя клякса района падения поехала в сторону от линии изначального курса.

– Меняет траекторию с перегрузкой пять! Поворачивает западнее! – в голосе Йеца звенело волнение.

– Что-то я такого пока не видел... – напряжённо вздохнул Красен.

– Это только пока! – сказал Сержант и подошёл к двери оружейки, которая предусмотрительно выходила в комнату дежурной смены. Командир приложил ладонь к панели управления замками, и по ней пробежала голубая волна считывателя. Пискнул контроллер, лязгнули запоры, и Сержант решительно толкнул дверь рукой.

– Дежурной смене получить карабины и боевое снаряжение! – приказал он.

Такой приказ «на боевую» мы слышали впервые. До этого – только на тренировках. Обычно достаточно было личного оружия. Ну, брали иногда с собой в засаду один-два карабина, контрабандистов страшать – те, когда попадались, в бой обычно не вступали.

Йец удивлённо обернулся к командиру.

– Ну, ты же объявил тревогу! – чуть усмехнулся Сержант, заметив его взгляд.

Потом шеф повернулся к Састу, который встал и разглядывал нас через бронестекло комнаты оперативного дежурного.

– Поднять по тревоге вторую смену! – приказал ему Сержант.

– Докладывай, Йец, не молчи! – потребовал Сержант, когда мы вытащили из оружейки каждый свой кокон и принялись обмундировываться. Коконь Йеца и Саста мы тоже вытащили и положили на пол посреди комнаты. Коконь мы называли нехитрое солдатское сооружение – тактический шлем и импульсный карабин, просунутые внутрь кирасы и перетянутые ремешком. Действительно внешне напоминало кокон с не вылупившимся пока солдатиком.

– Цель набрала горизонтальную скорость! Примерно пятьсот в час! – отозвался Йец. – Держит курс почти точно на запад! Компьютер оценивает аэродинамическое качество не менее семи, так что пролетит километров сто пятьдесят! Это если у неё двигателей нет...

– Если она меньше тонны весит, то маршевых двигателей, скорее всего, нет, – сказал Сержант, загоня боевую батарею в гнездо и ставя свой карабин на предохранитель.

Продолжение было шокирующим.

– Я думаю, это десантная капсула, – сказал Сержант и совершенно спокойно добавил. – Полагаю, к нам гости пожаловали... Диверсанты!

Да, вполне вероятный ночной бой с инопланетными диверсантами – это вам не контрабандистов по кустам гонять... Нервно хихикнув, я напялил армейский тактический шлем и по старой солдатской традиции хлопнул себя по затылку. Конечно, штукovina это была не ахти какая – со свободным дыханием, на лицевом щитке, кроме примитивного фотоумножителя

и простейшей схемы боевой ситуации, считай, никакой индикации и не было. Но что поделаешь – мой шлем космического охотника и бронированный боевой костюм, подаренные космонавтом Чактом, командиром рейдера «Звёздная искра», и спасшие мне жизнь при взрыве на таможенном терминале, пока так и не удалось починить. Мои планетяньские косточки да шкура зажали гораздо быстрее.

Тут в комнату, где готовилась к бою дежурная смена, вошёл Уиц, наш пилот. В отличие от простых агентов, своё дежурство он мог проводить, мирно подрёмывая на койке в комнате отдыха. Кроме того, ему полагались дополнительные пять минут на сборы в случае тревоги. Но свою службу он знал хорошо – явился точно через пять минут, уже в лётном комбинезоне, полностью экипированный и с пилотажным шлемом в руках.

Человеком Уиц был, конечно, очень странным. Вот и сейчас, во время тревоги, на его сухоньком лице играла широкая кривая улыбка, почти оскал. Одно плечо он держал выше другого и смотрел куда-то мимо нас, в угол комнаты. Но Сержанта, нашего командира, это, казалось, вовсе не беспокоило.

– Заводи! – коротко приказал он Уицу.

– Есть, командир! – скрипучим голосом отозвался наш пилот, и его тщедушная фигура в лётном комбинезоне тут же исчезла за дверью.

– Штраф! – воскликнул Йец, указывая на чёткие строчки алого и фиолетового цвета, проявившиеся на краю сияющей посреди комнаты голограммы. – Космодром выкатил кораблю большой штраф за потерю массы на снижении!

– Угу, да ему плевать на это... – пробормотал Красен. – Всё заплачено, небось...

И только тут наш аналитик заметил, что все стоят вокруг него уже в полном вооружении, в кирасах и тактических шлемах.

– А я? – Йец вскочил на ноги.

Помню, в тот момент я ещё обратил внимание, что по росту он был чуть ли не выше нашего Сержанта.

– Принять пост оперативного дежурного! – приказал ему командир.

– Но... – парень сглотнул и заморгал.

– Это приказ! – отрезал шеф.

– Саст, сюда, с ключами, быстро! – повернувшись к бронестёклам дежурки, гаркнул он во весь голос.

В рекордные сроки преодолев две бронированные двери, в комнату влетел Саст.

– Сдать пост! – когда Сержант так командовал, хотелось как можно скорее превратиться в исполнительный механизм, который всё делает моментально и без ошибок.

Саст обеими руками протянул Йецу брелоки с перемигивающимися электронными ключами.

– Кокон! Экипироваться! – приказал Састу командир, и тот сразу бросился к своему снаряжению, вынесенному для него из оружейки товарищами.

– Сколько до падения объекта? – толчком в плечо Сержант вывел Йеца из трагического ступора. – Ну?!

Тот, едва не выронив вручённые ему принадлежности оперативного дежурного, снова бросился к локатору. Стоя в сторонке, я помалкивал и смотрел, как на голографической объёмной карте нашей зоны ответственности синее пятно вероятного района падения, всё сужаясь и растягиваясь в длинный эллипс, быстро ползёт по песчаным пустошам ненаселённого равнинного района за Ласковым берегом, приближаясь к лесам, покрывающим восточные отроги Наветренных гор.

– Если он так же пойдёт... То до падения объекта – примерно шесть минут тридцать секунд! – доложил Йец, стараясь, несмотря на волнение, сохранить чёткость дикции.

– Что там, куда он метит? – уточнил Сержант и, поморщившись, потёр кулаками свой крепкий упрямый лоб с высокими зальсынами. Я обратил внимание, что шеф уже полностью «упакован», и карабин с пристёгнутой батареей – за плечом. Лишь шлем его пока лежал на рабочем столе. И когда он только всё это успел нацепить, одновременно команду нами?

Йец залез руками прямо в голограмму и принялся вертеть карту местности туда и сюда. Касаясь какого-то пункта на карте, он вытаскивал прямо из него то полотнища архивно-справочной информации с сияющей шифропечатью колониального Министерства регионального развития, то мнемосхему местной энергосети с едва теплящимися ниточками волноводов, то отчёты о расчистке просёлочных дорог, предоставленные какой-то местной артелью...

– Несколько полузаброшенных посёлков в предгорьях. Дорожная сеть слабая, но есть... Только грунтовки... Один посёлок рыбаков у побережья. Там, вроде бы, всё ещё есть пост полиции, – отчитался наш аналитик примерно через минуту.

– Понятно! Экипироваться! – Сержант буквально за шиворот оттащил увлékшегося Йеца от голограммы и подтолкнул к его кокону.

Щёлкнул затвор, а потом тренькнул предохранитель – Саст закончил облачение в боевое снаряжение, зарядил карабин и привычным движением закинул его за плечо.

– Стаки и Саст! – выкрикнул командир, крутанувшись на каблуках. – Быстро в ангар! Грузить в катер комплект номер один!

Я вспомнил, что в комплект номер один входят портативный командный центр для ведения полевых поисковых операций, мощная рация, большая армейская аптечка, десятка два упаковок с сухпайками и запас боевых батарей для карабинов. Это были четыре большие камуфлированные сумки килограммов по сорок каждая. И я понял, по какой причине Сержант решил оставить одного из нас на базе. Не только потому, что кто-то должен занимать пост оперативного дежурного. Просто грузоподъёмность катера сейчас, с учётом оружия и снаряжения, если ещё вспомнить степень износа двигателей, была килограммов восемьсот, не больше – это если требовались вертикальный взлёт и посадка. А по моим прикидкам, именно они и требовались. И получалось, что запас оставался всего килограммов сорок. Ну а почему Сержант решил оставить именно Йеца – разве нужно такое объяснять? Он тут, у моих ног, от волнения всё никак не может справиться с ремешками, стягивающими кирасу, чтоб из неё шлем с карабином вытащить...

– Красен, помоги ему! – негромко сказал Сержант.

– А ты туда смотри пока... И время докладывай! – командир подтолкнул меня к голограмме локатора.

Там, поверх объёмной карты побережья, всё изгибалась, вилась, как змея, постоянно пересчитываемая компьютером оранжевая линия расчётного пути капсулы с диверсантами.

– Высота две тысячи двести! Скорость сто пятьдесят пять метров в секунду! Вертикальная – двадцать! Две минуты до падения! – прочистив горло, доложил я.

– Тянут всюю, сволочи... – заметил Красен, помогая Йецу натягивать кирасу. – Наверное, идут к условленной точке...

– Минута до падения! – выкрикнул я и, прикинув по карте, добавил. – В лес идут...

Тут как раз Йец закончил со своим обмундированием и сменил меня, отстранив нетерпеливым жестом.

– У капсулы потеря массы! Наверное, выброс газа! – тут же закричал он. – Это включение тормозного двигателя! Сейчас она... Сейчас... Есть! Есть точка падения!

Жестом фокусника Йец выхватил из синего кружочка на голографическом изображении пологого лесного склона жёлтую помигивающую полосу с географическими координатами.

– Вот! – радостно воскликнул он.

– Красен, планшет! – приказал Сержант.

Красен протянул Йецу тактический планшет, который уже держал наготове. Йец спал его, положил на пульт и стал быстро хватать из воздуха висящие вокруг голограммы информационные полотнища и растопыренной ладонью подводить их к планшету. Очередной светящийся лист комкался, гас, и на маленькой контрольной голограммке, висящей над металлической крышкой тактического планшета, загоралась очередная серебристая звёздочка. Йец торопился и хватал разноцветные светящиеся полотна с оперативными данными и левой рукой, и правой, отчего создавалось впечатление, что он просто сгребает информацию в планшет Красена обеими руками.

– Попытайся связаться с полицейским постом в том посёлке на побережье! – напоследок приказал Йецу Сержант. – Пусть немедленно вышлют машину с усиленным нарядом как можно ближе к месту падения капсулы, найдут там поляну и ждут указаний. Скажешь им, что катер вышлют, как только они доложат о готовности. И прилетит он через час! Результаты сообщишь мне через брелок специальной связи. Всё ясно?

Йец растерянно кивнул. Мне даже показалось, что у него слёзы на глаза навернулись. То, что его не берут с собой на боевую операцию, парня просто убило. Мальчишкой он ещё был, в самом деле...

– И по рации нас не вызывай! Не демаскируй! В полёте будем соблюдать радиомолчание. А не то ещё шмальнут чем-нибудь на подлёте... – закончив инструктировать Йеца, командир обернулся к нам с Красеном. – За мной, марш!

Выбегая из комнаты вслед за Сержантом, мы успели почти хором приободрить нашего товарища, который оставался «на хозяйстве». Ему ещё встречать вторую смену, которая сейчас примчится по тревоге, а у него был такой несчастный вид, будто нас всех уже перебили...

– Настреляешься ещё, братишка! – хлопнул его по плечу Красен.

– Зато у локатора от тебя пользы больше, чем ото всех нас! – хлопнул я Йеца по другому плечу.

На улице всё так же царствовал ветер. Но теперь его не было слышно – всё перекрывал тяжёлый свист двигателей катера. Ночь была тёмной. Без единого огонька наш катер медленно рулил по площадке, выписывая сложную кривую, чтобы встать колёсами стоек шасси на едва различимые в темноте белые кресты внутри большого посадочного круга – нужно было подготовить навигационную систему. Благодаря фотоумножителю я видел, как струи горячего воздуха от вентиляторов растекаются по площадке и треплют окружающие её кусты. Сквозь шум двигателей пробивалось противное нытьё колёсных приводов, которые позволяли Уицу без посторонней помощи совершать этот ювелирный манёвр.

Но вот катер замер – Уиц был как всегда точен, каждое колесо аккуратно встало на свой крест. Люк в борту катера с вмонтированным в него трапом тут же откинулся вниз – и из проёма показалась голова Саста в тактическом шлеме.

– Красен, Ачет – на борт! Быстро! – приказал Сержант.

Растекающаяся по бетону струя от подъёмных вентиляторов катера рвала штанины, но я буквально в три прыжка преодолел расстояние от края площадки до трапа. За мною на борт ввалился Красен. Последним нырнул Сержант, и они вдвоём с Састом захлопнули люк.

– А ну, все расселись по местам! Живо! – подгонял нас командир, забрав у Красена планшет.

«Расселись!» – легко сказать... Когда ты в кирасе и тактическом шлеме, да ещё с оружием, кабина катера кажется такой тесной... В темноте, на ощупь, я втиснулся на своё место по левому борту, сразу за пилотом. Напротив, по правому борту, уселся Сержант. В отличие от меня, ему экипировка, кажется, вовсе не мешала.

– Всем пристегнуться! – напомнил шеф, колдуя над планшетом, который ловко пристроил на коленях. Вот знакомый жёлтый ярлычок с координатами падения капсулы вынырнул

из верчения огоньков на тактической голограммке, что светилась поверх серой крышки планшета, и прилип к левой руке Сержанта. Тот сделал движение, как будто метает нож, и жёлтая голографическая полоска с алыми циферками на техническом итике улетела прямо в панель управления навигационной системой катера. Я знаю, что Сержант так же замечательно метает нож левой рукой, как и правой...

– Замерли! Никому не шевелиться! – приказал он. – Уиц, делай привязку и строй маршрут.

В щель между выпуклым стеклом фонаря кабины, за которым была тьма, и спинкой кресла пилота я видел, как Уиц совершил пару невнятных, с моей точки зрения, взмахов руками.

– Сделано! – тут же доложил он.

– Взлёт! – последовал приказ Сержанта.

Я и рот не успел открыть, как меня заметно вдавило в кресло. Визуальную связь с землёй я потерял моментально. Лишь мелькнули где-то внизу накрённые набок огни кирпичного заводика, что был недалеко от нашей базы, и больше я вообще ничего не мог разобрать.

Спустя пару минут, через плечо могучего Красена, я увидел за правым крылом ещё какие-то огни и попытался угадать, что же это. Но потом вдруг понял, что то явилась мне россыпь звёзд, заглянувших в разрыв между облаками. Мы делали плавный вираж и поворачивали куда-то, вот крыло и задралось к небу. Но куда мы поворачивали, было ведомо только Уицу в его пилотажном шлеме...

Время в полёте тянулось невыносимо. Двигатели жужжали, но ничего не происходило. Казалось, будто катер завис на месте и своим носом просто сверлит черноту, а вот когда просверлит, тогда мы что-нибудь и увидим...

Мне почудилось, что мы летим уже с полчаса, хотя этого никак не могло быть. По моим умозрительным подсчётам, капсула вошла в лес в двух с чем-то сотнях километрах от нашей базы. Судя по звуку двигателей, Уиц торопился, энергии не жалел – разве только на сверхзвук не переходил. Я посмотрел на наручный навигатор. И действительно, оказалось, что мы пока пробывали в воздухе только семь минут... Всё нервы, нервы...

Потом не выдержал Стаки. Его посадили в кресло правого пилота, который у нас отсутствовал. Мне там было бы интересно, а вот от Стаки толку никакого. Он был у нас какой-то феномен – насколько он хорошо разбирался в наземных машинах, настолько же не соображал ничего в летающих.

– Куда мы летим, мне кто-нибудь скажет? – спросил бывший танковый лейтенант, приподняв руки в тактических перчатках к абсолютной черноте за остеклением кабины.

– По инерциальной навигации идём! – скрипучим голосом отозвались динамики на пилотажном шлеме Уица.

– И как ты летишь, не видно же ничего! – возмутился Стаки.

– Я пилот, – лаконично отозвался Уиц.

– А ну молчать! – рявкнул Сержант. – Пилота не отвлекать!

Томительное ожидание тянулось ещё минут пять.

Потом Уиц вдруг сказал:

– Командир, горы прошли! Точка недалеко!

– Отлично! Иди от неё в сторону! Картографирование! – приказал Сержант.

Я почувствовал, как катер заложил крутой разворот влево. Потом зажглись какие-то огоньки на панели бортового локатора. Никакого движения пилота я не уловил – наверное, Уиц, как и я в своё время, отдавал команды у себя в пилотажном шлеме зрачками глаз. Эх, шлем мой, шлем, когда же тебя починит Чакт, мудрый наставник со звёздного корабля, что упал четырнадцать лет назад на окраине Инáркт, столицы нашей колонии?

– Есть карта! – доложил Уиц и рукой в чёрной перчатке бросил Сержанту со своего пульта крохотную голографическую звёздочку. Шеф едва уловимым движением поймал её металлической крышкой тактического планшета, и голограмма сразу разрослась, обвилась клубком каких-то надписей, завертелась... Сержант схватил её в кулак и одним движением развернул голографическую карту между креслами, прямо над полом кабины.

Только что снятая Уицем радиолокационная карта местности оказалась довольно бледной и имела не слишком-то высокое разрешение. А ночной аппаратуры на нашем катере вообще не было. Но приходилось довольствоваться тем, что есть. Сержант бросил на голографическую карту со своего планшета уже знакомую жёлтую полоску с координатами места падения капсулы, и она воткнулась в поросший лесом пологий склон, превратившись в алую пульсирующую точку.

– А на локаторе-то капсулы не видно! – озадаченно сказал Красен.

– Конечно! – хмыкнул Сержант. – А чего ты ожидал?

– А вот это что? – сказал Саст, указывая на оранжевую чёрточку явно не природного происхождения километрах в десяти от капсулы. По радиолокационной карте можно было различить, что чёрточка находилась посреди обширной поляны, по форме напоминающей собачий след.

– Это полиция, – сказал наш командир. – Йец только что через брелок мне передал.

– Ну вот, как всегда, – в голосе Саста я услышал привычную иронию. – На локаторе только нашу доблестную полицию и видно!

У Саста была сложная судьба. Хотя он старался это не афишировать, но я знал, что парень происходил из общины контрабандистов. И хотя сам он уже много лет агент адвослужбы, которая его бывших сородичей как раз и ловит, такое отношение – это, наверное, уже что-то генетическое...

– Уиц, машину на поляне видишь? – водя пальцем по карте, сияющей между креслами, поинтересовался Сержант.

– Вижу, – отозвался пилот, не поворачивая головы. Всё, что ему было нужно, он мог наблюдать на внутреннем экране своего пилотажного шлема.

– Давай к ней, с другого курса и на предельно малой, – приказал шеф. – И смотри, чтобы при посадке нас не сбили!

– Есть, командир! – голос Уица, как мне показалось, повеселел. Он просто обожал всякие крутые манёвры. А тут ему ещё и приказ дают!

– Держите крепче своё оружие! – противно хихикнув, предупредил нас Уиц.

И в следующую секунду кресло ухнуло из-под меня вниз, натянулись ремни, которыми я был пристёгнут. Потом катер резко крутнулся вправо – и быстро навалилась перегрузка. Большая перегрузка! Голова моя в тактическом шлеме сама улеглась на подголовник автоматически отклонившегося назад кресла, и поднять её оттуда теперь никаких сил бы не хватило! Воздух пошёл вон из лёгких. Ствол карабина навалился на моё колено, словно отлитый целиком из чугуна...

«Переворот через крыло!» – догадался я.

– Зачем так-то! – кряхтел на правом переднем кресле Стаки.

Его танковая душа не понимала и не принимала таких вещей. А вот я понимал – зачем. Если у диверсантов есть, скажем, шлем с боевым костюмом, да имеется что-то тяжёлое, из чего можно долбануть по катеру, то без таких воздушных вензелей мы для них будем удобной целью. А так – поди попади ещё...

Выйдя из пике, катер помчался низко над верхушками деревьев – фотоумножителя моего тактического шлема едва хватало, чтобы увидеть, как они проносятся в темноте под самыми крыльями. И вот – поляна! Я заранее сжал зубы, зная, что сейчас последует. И угадал!

Резко убрав тягу, Уиц на полной скорости выпустил воздушные тормоза. И наша птичка, растопырив свои стальные перья, запрыгала в ночном воздухе, задрожала и заскрипела всеми своими конструктивными элементами. Нас всех бросило вперёд, и я явственно слышал, как у Стаки щёлкнули зубы.

Вот скорость падает, нос катера опускается, и поляна огромным блином бесцветной для фотоумножителя травы разворачивается навстречу... Но тут – ручку резко на себя, поправка на ветер, а потом – посадочные вентиляторы на полную тягу... Двигатели взывают, опять вдавливают в кресло... Теперь шасси... И как только оно выходит – сразу касание! Да – то, что творит в воздухе Уиц, это искусство. Чистое искусство... А вот Стаки кричит на нашего пилота, будто чуть язык из-за него не откусил, да ещё и едва не обделался в дополнение. Ну, это у бывшего танкиста от недостатка кругозора...

– Выходим! Быстро! Быстро! – легко перекрикивая разбушевавшегося Стаки, командует Сержант.

Кубарем вываливаюсь из катера в чёрную траву ночного леса...

– Машина впереди двести! Захват! Огонь не открывать!

Вообще-то, это должен был быть джип с полицейского поста прибрежного посёлка. Но я понимаю, почему Сержант так скомандовал. Здесь, в двух с лишним сотнях километрах от города, в малонаселённом районе побережья, на лесной поляне, нас всего пятеро, не считая пилота. Осторожность не повредит.

Мы бежим редкой цепью, пригибаясь в высокой траве. И всё сильнее размыкаемся по фронту, постепенно охватывая машину с флангов. По краям широкой поляны шумят в темноте деревья. Тёплый ветер наполнен медовыми ароматами цветущих горных кустарников. Но я чувствую, что дыхание ночного леса смешивается с дыханием океана. Даже здесь, в нескольких километрах от побережья, я ощущаю привкус соли и пряный запах водорослей...

Посреди поляны – большущий армейский джип в полицейской раскраске, ворчащий мотором и бестолково светящий фарами в чёрную пустоту. Мы бесшумно окружаем его и подходим с разных сторон. Эх, полиция... Тоже мне, на спецоперацию выехали... Впрочем, нам лучше надеяться, что это именно полиция, а не кто-то ещё...

Двое полицейских стоят у своей машины плечом к плечу, сжимая в руках импульсные карабины какой-то очень древней модели. Тактических шлемов у них нет, и они вглядываются в темноту, смешно вытягивая шеи в том направлении, где им что-то почудилось, забыв, что на их джипе есть фара-искатель, стоит только руку протянуть... Я занимаю огневую позицию метрах в двадцати от них, левее того места, куда они смотрят. Встаю на колено, и теперь только мой шлем да изготовленный к стрельбе карабин торчат из высокой травы...

– Готов! Держу левого... – едва слышно говорю я, и мои товарищи слышат меня по тактической связи.

– Готов, держу правого... – раздаётся в шлемофонах доклад Стаки с противоположного фланга.

За спиной у полицейских возникает Саст. Он в своём шлеме наклоняется к их головам и прямо в уши громко воспроизводит крик совы-ухаря: «У-хху!» Оба полицейских чина, подпрыгнув на месте от неожиданности, синхронно оборачиваются. И тут же откуда-то сбоку возникает Красен. Он ловко обеими руками хватает их карабины за короткие ребристые стволы. А потом к обезоруженным полицейским уже не скрываясь подходит Сержант.

Наш командир освещает потайным фонариком свою профессиональную карту с красивой голограммой правого адютамаршала, руководителя оперативного крыла адвокатуры, и суёт её под нос полицейским. У тех от облегчения буквально подгибаются колени. Без лишних слов Красен и Сержант заталкивают полицейских в машину, Саст прыгает за руль. Джип гасит фары, разворачивается, переваливаясь на кочках, и направляется к месту посадки катера. Мы со Стаки без лишних указаний бегом возвращаемся туда же.

– Мы вас только через час ждали! – говорит один из полицейских, тот, что повыше, потолще и постарше. Другие его приметы – рыжая борода и ёжик седых волос. В отсвете потайного фонаря, бегающего по отпечатанной на листе писчего пластика мятой архаичной карте местности, которую расстелили на капоте джипа, я вижу по петлицам кителя, что это старший инспектор. Карту отняли как раз у него. Самое ценное на ней – это сделанные рукой местного человека отметки. Не известные никому просёлочные дороги, тропы, ямы, канавы... Сержант водит по карте одним из своих хитрых приборов, и её участки тут же появляются в уголке внутришлемных экранов наших тактических шлемов.

– Только подъехали – и вдруг какой-то шум. Как с неба что-то упало... – сказал второй полицейский.

Сержант, не отрываясь от карты, указал пальцем сначала на меня, а потом на него. А потом сделал жест ладонью, словно совал полицейскому нож под рёбра. Это был приказ быстро «пробить» служивого, то есть проверить у него документы, осмотреть повнимательней и опросить. Поставив карабин на предохранитель, я встал из травы, отправил оружие за спину и поспешил исполнять указание.

«Мой» полицейский был невысокого роста. Довольно-таки шуплый. Тоже немолод. Даже в отсветах фонарей заметно, что лицо очень загорелое. Нос чуть приплюснут, короткие курчавые волосы. Тоже с сединой... Форма изрядно поношена. Ремень толком не подтянут, и потому поясная кобура с пистолетом висит как-то косо. Шлем показал, что пистолет заряжен, но не взведён. Карабин его, как и карабин старшего инспектора, сейчас держал в руках Саст. Боевая батарея была не примкнута, а так и болталась у полицейского в подсумке на поясе. Ночью, посреди леса, он, представитель центральной власти, очень слабой в этом районе, даже не зарядив своё оружие, просто стоял у джипа, сияющего фарами на всю округу, и боялся...

Я не смог разгадать символы на его нарукавном шевроне и жестом потребовал показать профессиональную карту. Полицейский с готовностью протянул её мне. Рука его заметно подрагивала. Но карту я брать не стал: мой шлем оказался достаточно продвинутым, чтобы считать с неё данные, едва она оказалась в поле его зрения. Это Сержант над нашей техникой заблаговременно поколдовал, наверняка. Обычные армейские шлемы так не могут.

Алые надписи, затейливым хороводом вспыхнувшие вокруг карточки, которую полицейский по-прежнему протягивал мне, рассказали про него всё, нужное и ненужное. Имя, должность, звание, код закреплённого за ним участка, номер личного оружия... А также про алкоголь и про понижение в звании и должности перед позорной отправкой из благословенного Кодда – дослуживать до пенсии – в эту дыру на побережье... «Участковый-патрульный», – хм, никогда не думал, что такая штатная должность существует. Ну, по отдельности-то понятно. Но такое сочетание столь разных обязанностей не могло не удивить...

Тем временем, второе кольцо надписей вокруг карточки, которое выдал мой шлем, показало, что данное полицейское отделение несёт ответственность за полсотни километров побережья в каждую сторону. И что данный «участковый-патрульный» там по штату положен только один... Нет, мы когда-нибудь допрыгаемся! Если уже не допрыгались. Стремление постоянно выдавать желаемое за действительное в той или иной степени, наверное, свойственно всем официальным властям. Но всему же есть предел... Правительство Басуты, похоже, меры не знало.

– Патрулируете побережье? – с должным оттенком уважения спросил я полицейского.

Спросил чисто машинально. Ответ меня не интересовал. Но, оказывается, его стоило послушать...

– Конечно. Дважды в неделю, – деловито ответил страж порядка. – Километра по два в каждую сторону от посёлка!

Саст не удержался и негромко заржал.

Тем временем Красен и Стаки закончили выгружать из катера и распаковывать сумки с портативным командным центром. Вдвоём они быстренько принялись его монтировать, и вот уже решётчатые лопасти антенн развернулись и стали подниматься на тонких телескопических мачтах к ночному небу. И тотчас же я и остальные ребята увидели в своих шлемах сияющую координатную сетку, быстро разрастающуюся вдаль. Она ободряюще светилась поверх светло-серого, из-за примитивного фотоумножителя, травяного ковра с редкими чёрными шапками кустов, сразу давая представление о перспективе и об изгибах ландшафта. И где-то в самом дальнем конце этой сетки, где полупрозрачные светящиеся паутинки координатных клеточек уже почти сливались в единую пелену, убегая куда-то за лес на пологом горном склоне, рубиновой искрой вспыхнула отметка той точки, куда упала капсула диверсантов.

– Есть поле тактической обстановки! – спокойно доложил Сержанту Красен. – За систему навигации катера зацепились, к местности привязались! Удаление от расчётной точки – девять километров!

– Уиц, в катер! Быстро! – начал приказывать шеф. – Сядешь на своё место, закроешь люк, включишь обзорную систему и пушку. И сиди, наблюдай!

– А вы двое – занять оборону! – сунув старшему инспектору в руки его карту, Сержант, не задумываясь ни на секунду, воспользовался своим правом в определённых условиях давать прямые указания полиции.

– Вот вам сектора обстрела! – он указал полицейским направления слева и справа от хвоста катера, куда его бортовая пушка на земле, при выпущенном шасси, не доставала.

Жестом подав всем остальным команду загружаться в джип, наш командир кивнул Састу – и тот вернул полицейским карабины.

– Уиц! Если эти двое оставят позицию и надумают бежать, взлетишь и прострелишь им задницы! – громко, при всех,скомандовал Сержант пилоту, который уже закрывал входной люк.

– Есть, командир! – отозвался тот.

Саст сел за руль, и мы рванули с места, прямо в ночную тьму за гранью скупого на детали виртуального мирка, который создавал мне фотоумножитель. Куда-то туда, где в чёрно-белом мире, нарисованном на внутреннем экране тактического шлема, алела точка вражеской высадки. Как взбесившееся ночное животное, отнятый у полицейских джип с выключенными фарами ломился сквозь кусты вверх по пологому склону. Саст при этом старался следовать коряво нарисованной на отсканированной полицейской карте полевой дороге.

О-хо-хо! Как мучительно не хватало мне сейчас настоящего боевого шлема звёздного охотника – в обычном солдатском, даже на заднем сидении, я чувствовал себя бегущим с закрытыми глазами. Да что говорить – Саст, опытный оперативник контрабандистских кровей, и тот напряжённо пытался и вертелся на водительском кресле.

– Скорость держи! – то и дело кричал Сержант, который сидел рядом с ним на пассажирском месте, иногда резким движением руки подправляя руль.

Километра через полтора поляна закончилась, и мы влетели в редколесье. Совершая отчаянные прыжки, джип, завывая, сходу перелетел одну за другой две глубокие промоины от лесных ручьёв, а потом едва увернулся от корней высокого поваленного дерева. Наверное, не устояло оно под зимними шквалами – горы эти недаром называют Наветренными.

Пока мы собирались да пока летели сюда на катере, полицейские успели отъехать от своего прибрежного посёлка километров на десять. Но у них там, судя по карте, хоть дорога приличная была – пусть и просёлочная, но более-менее наезженная. Нам же приходилось продолжать выдвигание от океанского побережья просто по какой-то звериной тропе... Несмотря на стоны подвески и рычание мотора, двигались мы вперёд не слишком-то быстро. К тому же нарисованная от руки потайная дорожка всё время петляла. Тем не менее, красная точка на

координатной сетке, которую строил портативный командный центр, развёрнутый у стоящего на поляне катера, всё приближалась.

– Три километра осталось! – крикнул Красен, который не отрывался от тактического планшета.

Я оглянулся на него, удивившись, как это он умудряется одновременно держаться сам, держать своё оружие, да ещё и решать навигационную задачу. Оказывается, Стаки придерживал за ствол его карабин. А я тут же поплатился за то, что отвлекся – на ближайшей кочке крепко приложился шлемом о раму подголовника водительского кресла.

Эта кочка, после которой мы ухнули в дорожную яму, нас, наверное, и спасла... Навстречу из чёрных кустов полыхнуло несколько выстрелов. Лопнуло, разлетаясь пластиковым крошечком, лобовое стекло, в кабине сверкнула вспышка, а голова Саста дёрнулась вправо. Меня слегка оглушило, но я видел, что Сержант обеими руками вцепился в руль, и слышал, как он взревел: «Саст, вперёд! Жми газ!»

Голова у Саста завалилась набок, плечи обмякли, но газ он выжал – мотор взвыл, словно живое существо со страху. Ещё три или четыре выстрела ударило нам вслед. Но всё мимо. ПлазмOID, выпущенный из импульсной винтовки, пролетел над самой кабиной и ударил в нависшее над дорогой дерево впереди. Взрыв – и щепки с обломками коры хлестнули по капоту нашего взбесившегося джипа.

Мы проскочили ещё, наверное, с километр и вылетели из леса на полянку, посреди которой высился огромный накрённый пень.

– Стой! – приказал Сержант нашему подстреленному водителю, и джип, юзом проехавшись по траве, затормозил.

Я сразу вывалился из кабины, распахнул водительскую дверь и принялся вытаскивать Саста из-за руля. Голова у того болталась из стороны в сторону, а руки бессильно повисли, но он всё повторял в ларингофоны: «Нормально. У меня нормально...» Шлем его был пробит, но как-то по касательной. Из-под проломленной разрывом плазмOIDа силовой оболочки торчали труха сотового наполнителя и пучки перебитых оптоволоконных проводников... Крови сверху не было, она текла у Саста по подбородку, откуда-то из-под лицевого щитка.

– Красен, Ачет! К точке падения! Вперёд! Мы прикрываем с тыла! – приказ прозвучал, едва я опустил товарища на траву.

Красен тёмной тенью поднялся из травы справа от джипа. Несмотря на свою комплекцию, он изящно перепрыгнул трепещущий на тёплом ночном ветру куст и побежал, сжимая карабин. Я вскочил на ноги и бросился следом. А Сержант, перемещавшийся в темноте как призрак, успел весьма чувствительно хлопнуть меня сзади по спине:

– И чтоб не как на таможенном терминале, понял!?

Что именно командир имел в виду, мне пришлось размышлять уже на бегу. То ли он предупреждал меня об осторожности в связи с особой опасностью задания – на таможенно-то поначалу не было никакой уверенности, что в деле замешан враг. А тут в этом не было никаких сомнений! То ли он напоминал, что в этот раз я иду в бой в обычном снаряжении, без подаренного звёздным охотником чудодейственного шлема и боевого защитного костюма – и, если что, поломанными рёбрами да сотрясанием мозга не отделаюсь...

Мы с Красеном бежали молча, построив боевую пару – он слева и чуть впереди, я справа и чуть сзади. Старались двигаться как можно тише. Правда, один раз вспугнули сову-ухаря. Ночная птица так старательно пряталась за деревом, что мы оба увидели её только когда она уже поднялась, лавируя между стволами, и заухала на весь лес. На фотоумножителе моего тактического шлема она мелькнула косой зеленоватой тенью, уходя в сторону, в спасительную для неё тьму.

До места высадки противника оставалось около двух километров. Красная точка на координатной сетке моего внутришлемного экрана постепенно приближалась. Жаль только, что на этом экране не были заранее показаны два попавшихся нам по пути довольно глубоких овражка, гнилые поваленные деревья да встречающиеся порой островки плотных зарослей колючих кустов. Пометок местных полицейских катастрофически не хватало, чтобы строить маршрут по лесу...

К тому же бежать приходилось всё время вверх по склону. Хорошо хоть он был довольно пологим.

Метров за триста до цели мы с Красенем сделали крюк, забрав выше, чтобы подкрасться с неожиданной стороны. Метрах в ста залегли и долго присматривались. Никого. Тогда подкрались ближе. В тёмном лесу не было никакого движения. Только ветер гулял по вершинам деревьев, закрывая редкие звёзды облаками. Фотоумножитель тактического шлема не справлялся: лишь какие-то неясные чёрно-белые тени бродили на моём внутришлемном экране. Красен из-за дерева сделал мне знак – чуть стукнул костяшками пальцев по макушке своего тактического шлема, обвёл ладонями вокруг головы и сомкнул руки на горле. Это он, следом за Сержантом, намекал, что сейчас нам с ним очень не хватает моего «космического горшка», из-за которого он сам же надо мной обычно подтрунивал. Я в ответ мог только развести руками.

Капсулу мы обнаружили только метров с двадцати. Тёмное продолговатое тело, уткнувшись носом в землю, наискось лежало на расколоте от удара дерева. Задрал голову, я разглядел в темноте задранные к небу короткие крылышки. Вокруг по-прежнему не было ни души. Приближались мы очень осторожно. Я постоянно помнил о предупреждении Сержанта...

Разминировать ничего не пришлось. Капсула была пуста – просто грубый пластиковый кокон, покрытый нагаром от сработавших тормозных двигателей. Я добрался до блока управления, отковыряв ножом лючок в хвостовом отсеке, но блок уже самоуничтожился, сплавившись в один стекловидный ком. А весь объём основного отсека был заполнен каким-то пепельно-серым порошком.

Переправив карабин за спину, Красен отстегнул от пояса нож и осторожно прощупал клинком недра засыпанного порошком отсека. Потом, нахмурившись, растёр порошок между пальцами. Красен классный сапёр – опыта у него побольше, чем у меня.

– Вот гадость, – сказал он, выпрямляясь.

– Что это? – спросил я.

– Ложемент амортизирующий. Одноразовый. Тоже самоуничтожился, – Красен поморщился, отряхивая руки. – Это десантники, элита. Хорошая у них техника...

– Хорошая, – невесело согласился я.

Я слышал про такое, но сам ещё никогда не видел.

– Капсулу-то не спрячешь, – пояснил Красен, снимая с плеча карабин. – А вот что в ней было, теперь не поймёшь.

– Это было прикрытие. Группа обеспечения высадки. Сразу можно было догадаться, – рассказывал Стаки, когда мы вернулись на полянку с гигантским пнём, напоминавшим карикатурный рухнувший с небес космолёт. – Кто же потащит с собой винтовку в капсуле? Там каждый грамм на счету...

Мы с Красенем молчали, сжимая карабины, и всё пытались выровнять дыхание после очередной пробежки по ночному лесу.

– Сержант приказал – не преследовать! – произнёс бывший лейтенант с оттенком досады. – Сказал – будут уводить нас в сторону...

Стаки кивнул на нашего командира. Тот сидел на подножке джипа, зажав карабин между коленей, и колдовал с брелоком специальной связи – надиктовывал ему какое-то сообщение. Кому предназначалось послание – спрашивать было бесполезно, да и не по рангу мне это...

«Какое там преследовать? – подумал я. – Ночью, в лесу, без специального снаряжения...»

Чтобы ночью прочесать десятки квадратных километров поросших лесом горных склонов, нужна специальная аппаратура. Конечно, такая аппаратура где-то в природе существовала. Но я не был уверен, что на нашей планете она вообще хоть где-нибудь есть – даже у военных. А так – даже мой шлем звёздного охотника с боевым костюмом здесь не помогли бы. С тем же, что у нас было, мы могли только бегать в локальной системе координат, построенной портативным командным центром – ведь единой навигационной системы на Имллт тоже не было.

Мысль о том, что, помимо всего прочего, в этот раз нас могло оказаться куда меньше, чем тех, кого мы пытались отловить, пришла мне в голову несколько позже – когда я посмотрел на Саста с перевязанной головой, который, закрыв глаза, сидел на траве, привалившись к борту машины.

Как только шеф закончил с сообщением по секретной связи, мы погрузились обратно в джип и поехали туда, где оставили катер. В этот раз за руль сел сам Сержант, но ехали мы довольно медленно и аккуратно...

– Так вы считаете, что группа прикрытия была из местных, из колонистов? – обеспокоенно спросил Сержанта старший инспектор полиции из прибрежного посёлка.

– Да, – коротко и жёстко ответил наш командир.

Старший инспектор помолчал немного, нервно теребя ремень своего карабина.

– Но они, видимо, пришли из-за гор? Это ведь очевидно? – в вопросах полицейского слышалась внутренняя тоска.

Я стоял рядом, опершись плечом на борт катера, и изучал дыру, образовавшуюся на макушке простреленного шлема Саста. Я понимал внутреннюю логику этих жалобных речей. Не то чтобы старший инспектор особо волновался о том, что его прямо на рассвете, вместе с тщедушным участковым-патрульным, который стоял тут же рядом и помалкивал, пошлют выявлять скрытых врагов. По-моему, его больше всего беспокоила сама мысль о том, что такие враги тут, в его малолюдной местности, вообще могли быть. Хорошо вооружённые, оснащённые средствами связи и навигации, имеющие навыки ночного боя... В этом случае шансы получить в скором времени ещё один такой же заряд в лобовое стекло становились более чем реальными...

Сержант не стал больше ничего говорить полицейскому инспектору, только похлопал того по плечу. Я следил за своим командиром. Я пытался понять, что он будет делать дальше. А тот только обошёл крыло катера и приблизился к колпаку кабины, за которым Уиц, сидя в своём пилотском кресле, выполнял его приказ.

Я заглянул в кабину катера через открытый бортовой люк. Внутри было темно, горели разноцветные огоньки.

– Тревога... Тревога... – буднично раздавался в кабине монотонный голос Уица, – Незаконное Проникновение... Тревога...

Наверняка радиостанция катера работала сейчас на всех волнах, где хоть кто-то ответственный мог нас услышать.

Я задрал голову и посмотрел на звёзды, которые проглядывали сквозь разрывы в бегущих по ночному небу облаках. Я подумал, что теперь, кроме резидента где-то в Инаркт, нужно будет постоянно думать ещё и о других затаившихся где-то врагах. И это не считая только что заброшенных диверсантов. Например, о злодеях, из которых состояла группа прикрытия, встретившая нас огнём в ночном лесу. И о тех, кто составлял группу обеспечения, которая заранее разведанными лесными тропами сейчас вводила высадившихся диверсантов всё дальше от

валяющейся в лесу капсулы. И ещё о каких-то людях, засевших прямо в Парламентской Миссии Малого Кольца, с внешним проявлением деятельности которых мы не так давно столкнулись – в виде визгливой девицы по имени Модиль, вечно бегающей с охапкой секретных документов колонии. Потом мне в голову пришла парадоксальная мысль: не поставь мы себе выносной терминал гравитационного локатора Космодрома, так и спали бы сейчас спокойно по койкам в комнате отдыха для дежурной смены... Может, так и правильнее? Ведь как бороться, если врагов больше, если противник – везде, и если в нашем собственном мире он ориентируется быстрее и лучше нас?

Я посмотрел на Сержанта. Тот стоял у носа катера, упрямо расставив ноги и засунув руки в боковые карманы кирасы. Очевидно, он знал, как это делать – проигрывать во всём, но продолжать борьбу.

Где-то в темноте тихо ругался Стаки. Видимо, бывший лейтенант завёлся теперь до самого рассвета.

– Тревога... Тревога... – доносился до меня из кабины катера голос Уица.

Операция в Пхата

*Как Сума меня венчала –
В небе головой качала.
Утром милого встречала
О любви с ним щебетала...*

*Из деревенской песенки, «Сборники довоенного фольклора», т. 2, стр. 31
(Общественное издание, библиотека общины Кожевеников, г. Кодд)*

События этого дня до сих пор не умещаются у меня в голове одним цельным куском. Поэтому начну просто с утра.

То утро я провёл на свежем воздухе. И нагулял хороший аппетит.

Ещё затемно, едва мы совершили посадку в Кодде, Сержант отправил нас со Стаки на энергокомплекс, расположенный у маленького рыбацкого посёлка Пхата на берегу реки Уараты. Он полагал, что это один из приоритетных объектов для диверсии. Кроме обычных указаний по контролю над организацией охраны, на которую двинули Гражданскую гвардию и Общинную стражу, шеф велел нам проверить ещё несколько подозрительных моментов. Материал для этого ему дал Корн Алт Лок, он же Папаша Корн, наш левый адвомаршал, руководитель административно-таможенного крыла адвослужбы. Видимо, это с ним Сержант прошлой ночью прямо из лесу связался, ещё до того, как по всем каналам тревогу объявили. И, как выяснилось, за ночь Папаша Корн по всем ключевым уязвимым объектам такой материал успел накопать.

Ну а дальше – судьба. Судьба в том, что именно нам со Стаки, а не другой паре, достался именно Пхата с его термоядерным конвертором, техническими площадками, медицинским комплексом и несколькими административными зданиями.

Сначала, когда ещё только светало, мы встречали прибывающие по тревоге подразделения гвардейцев и стражников, глядя, чтобы не приехал кто лишний. При такой организации дел как у нас это было вполне возможно.

Потом, держа в руках замусоленный план караулов, часа три я вёл скрытую проверку постов. Все посты нашёл, кроме одного – гвардейцы выставили какой-то секретный подвижный пост, который я так и не обнаружил, несмотря на все свои усилия. Оставалось только надеяться, что бойцы этого секретного поста невидимы исключительно для противника и разных проверяющих, но сами не только существуют, но и бдительно несут службу.

За время этих хлопот родился и разошёлся весьма неплохой денёк. Вчерашние тучи практически развеялись, небо было чистым и ясным. Даже ветер утих.

На базе я переоделся в свой любимый светло-коричневый костюм – Сержант сказал, что сегодня будет полно героев в армейском снаряжении, но, как всегда, окажется, что мозгов не хватает. Ну и хорошо – зато я выглядел опрятно и был этому очень рад. Ведь и сама природа сегодня утром тоже приняла предельно аккуратный вид – даже редкие облачка на небе старались выстроиться в одну линейку. И мне хотелось соответствовать...

Закончив с караулами, мы со Стаки проверили подозрительную деятельность на технической площадке, которая была на самом въезде в энергокомплекс, прямо у дороги. Туда на днях зачем-то завезли довольно много гибких силовых волноводов. Ну да, завезли. Они так и лежали пока нетронутыми плетями, в транспортной упаковке, прямо на траве. И вокруг не

было ни души, не у кого было даже спросить – зачем это. Но, в любом случае, стало понятно, что этот подозрительный объект не требовал срочного вмешательства.

Другое дело – экспериментальный накопитель энергии, построенный под руководством профессора Сха, одного из наших местных научных светил. По форме он напоминал высокую и толстую башню, как будто сложенную из пузатых чёрно-серебристых черепах. Зная о проблемах в энергетике, когда в часы пиковой нагрузки при нашем единственном термоядерном конверторе промышленность постоянно жалуется, что не хватает мощности, можно было предположить, что вещь это полезная. Накопил ночью, когда энергопотребление ниже, – отдаёшь днём, и всем хватает. Но беспокойство Папаши Корна вызвало то, что почему-то именно сегодня на этой установке, ещё толком не проверенной, должен был впервые проводиться решающий эксперимент по накоплению максимального количества энергии. Хотя накопитель вовсе не выглядел хлипкой конструкцией, по первому впечатлению, его даже из пушки было не прошибить, в силу текущей ситуации эксперимент, наверное, всё же следовало отложить.

Площадка с накопителем энергии была чуть дальше – его мрачноватая башня возвышалась почти у самого леса в дальнем, северо-восточном углу территории энергокомплекса. Мы со Стаки подъехали туда на джипе, поглазели. Вокруг, вроде бы, никто не крутился. И два парных патруля Гражданской гвардии были на месте... Переглянувшись, мы поняли, что эту проблему нужно решать «с головы».

И вот мы сидим в кабинете того самого профессора Сха. Профессор старенький, но весьма энергичный. Очевидно, только с подобным запасом вечной бодрости можно управиться с таким несметным количеством всякой всячины, которой завалены все стоящие вдоль стен кабинета шкафы и даже огромный стол в центре. Кургузый пиджачок и замусоленный жилет профессора показались мне смутно знакомыми ещё по университетским годам – за девять прошедших лет ничего не изменилось. Как и на моей студенческой памяти, жиденькая бородка учёного боевито торчала, а включенная шевелюра пепельно-седых волос воплощала вечное движение мысленной энергии. Глаза горели, прямо скажем, нездешним, может, даже и не столь личным огнём. И договариваться пока не очень-то получалось. Нечего сказать – в гневе господин Сха был прекрасен...

Профессор ругался со Стаки, который в нашей боевой паре сегодня был атакующим. Уважаемый Сха, заместитель председателя Единого Технического Совета колонии и секретарь университетской научной комиссии, бегал вдоль своего длинного стола, громко кричал и иногда, в подтверждение своих слов, звонко хлопал сухими старческими ладонями по полированному дереву в тех местах, где стол был свободен от наваленных кучами схем и чертежей. А Стаки с видом важного начальника сидел в профессорском кресле во главе стола, для виду возил стилем по своему оперативному блокнотику и занудным голосом повторял одно и то же. Скажу по секрету – в блокнотике у него были записаны умные фразы из профессионального лексикона энергетиков, которые я ему надиктовал. Всё-таки я когда-то учился в столичном университете, хотя и не закончил. И, кстати, профессор Сха тогда был одним из моих преподавателей. Больше тройки я у него никогда не получал, но правильных слов, как выяснилось, запомнил довольно много. Хватило на две страницы для блокнотика Стаки...

Мой напарник, жилистый и худой, всё сидел и бубнил, напустив на себя сосредоточенно-унылый вид. Я видел его в профиль, разглядывая уже привычный длинный нос с горбинкой и маленький, совсем не мужественный подбородок. Вытянутая физиономия моего товарища с печальными, чуть навывкате, глазами и его прилизанные светлые волосы настолько дисгармонировали с одухотворённым ликом профессора Сха, что было даже немного забавно. Пожилой учёный хоть и имел тщедушное телосложение, метал в нас интеллектуальные молнии полноценной мощности. Черты его сухонького лица были благородны, а хаотическая причёска, олицетворяющая научное вдохновение, и пылающий взор просто требовали обсуждать с ним сейчас только великое и вечное...

Стаки сегодня тоже был в гражданке. Его невзрачная обтрёпанная куртка невнятного цвета, то ли серого, то ли коричневого, и неопределённого фасона светлые брюки логично дополнялись тяжёлыми начищенными ботинками, к которым он, судя по всему, ещё с армейских времён имел неистребимое пристрастие. Это и была современная молодёжная мода в понимании бывшего лейтенанта. Он действительно чем-то походил на студента. Если не прислушиваться к словам, то со стороны было похоже, что нерадивый студент-переросток проваливает профессору очередной экзамен.

А вот если прислушаться – получалось наоборот. Стаки говорил простые и, в общем-то, очевидные вещи. А профессор сыпал терминами, научными проблемами и через фразу ссылался на то, что он занимается важнейшими работами. С тем, что свершения его очень важны для колонии, никто не спорил. Но на этом все точки соприкосновения заканчивались.

Я уже махнул на них обоим рукой. Я был уверен в своём напарнике. Армейскую закалку Стаки, решительно занявшего кресло хозяина кабинета и, невзирая на седины, устраивавшего выволочку пожилому профессору, было ничем не пробить. Профессорская же горячность вкупе с явными признаками лёгкого опьянения грандиозными идеями не делала учёному чести. По крайней мере, с точки зрения человека, в которого этой ночью в лесу стреляли диверсанты, да ещё и товарища ранили.

С другой стороны, и профессора можно было понять. Насколько я успел сегодня разузнать, тот долгие годы пытался получить средства для строительства своей чёрной энергетической башни. Потом несколько лет её строил. А теперь, построив, впервые за полгода смог выбить у Министерства энергетики нужные лимиты на энергию. И потому торопился закончить свой эксперимент, пока в Инаркт не передумали и лимиты не отняли. А надо признать, аппетиты у профессора были немалые – он собирался накопить в этой башне ни много ни мало, а почти половину суточной отдачи нашего единственного термоядерного конвертора. Очевидно, что куда проще было выделить ему лимиты летом, когда энергопотребление колонии несколько падает, чем зимой, когда энергия дополнительно тратится на обогрев жилищ. Но почему именно в текущие сутки, на которые как раз и пришлась высадка диверсантов, профессору дали всё, что он просил?

И сейчас Стаки совершенно резонно твердил профессору про этих самых упущенных инопланетных диверсантов и про необходимость прервать на время некоторые небезопасные работы. Профессор в ответ кипятился и кричал, что всё сотни раз считано-пересчитано и потому его работы вовсе не являются небезопасными.

После этой его фразы мне пришёл в голову один любопытный вопрос. Но нужно было сначала суметь как-то так его сформулировать, чтобы получить в ответ не новые истерические выкрики, а то, что меня интересовало.

Пытаясь сосредоточиться, я какое-то время бродил по кабинету. Чтобы отвлечься от административно-правового концерта, я стал смотреть в окно. Солнце ярко светило с высокого голубого неба. И я глядел из окна седьмого этажа, как млеют в его лучах коротко подстриженные кустики, аккуратно посаженные вдоль дорожек по всей территории энергокомплекса. По дорожкам ходили люди. В это утро они все казались празднично одетыми – щедрое солнце как-то усиливало и подчёркивало цвета. Синяя униформа технического персонала, оранжевые комбинезоны дежурной смены термоядерного конвертора и белые халаты врачей сияли на солнце – все форменки были словно только что из кладовой. А ещё – тёмно-зелёный цвет этих самых кустиков с жёсткими бархатистыми листочками – какой-то особой породы, которые в наших местах не растут. Даже камуфляжная краска десятка джипов национальной гвардии да пары гусеничных бронетранспортёров, расставленных то тут, то там, казалась свежей и слегка искрящейся. А сами военные машины – новенькими и, возможно, даже в какой-то степени грозными.

Налети сейчас хорошая туча – и все цвета опять поблёкнут, смешаются. Тусклая цветовая гамма поношенной униформы спешащих по своим делам людей почти сольётся с серым фоном давно не отремонтированных асфальтовых дорожек. Военная техника гвардейцев – джипы, грузовики и бронетранспортёры – станет больше похожа на то, чем является на самом деле. А декоративные кусты – просто запылёнными, кургузо постриженными, безвкусными зелёными насаждениями. Но нынче был какой-то особенный день. Вся территория энергокомплекса, построенного давным-давно, в незапамятные времена, играла и переливалась, словно сегодня и вправду наступил какой-то праздник, назначенный природой.

Лучше всего смотрелся, конечно, термоядерный конвертор. Хотя самого энергоблока, естественно, не было видно. Просторная бетонная площадка, посреди которой возвышались три огромных купола, сгрудившихся вокруг одного маленького, центрального. Рядом – две гигантские трубы, возносящиеся вертикально вверх на двухсотметровую высоту. И больше на поверхности – ничего. Всё остальное глубоко под землёй. Однако манящая красота древних сооружений была заметна даже в этой скупой на детали композиции. Как и во всём, что делали древние, в этом образце промышленно-энергетической архитектуры чувствовалась какая-то внутренняя гармония. Которая была почему-то недоступна современным строителям.

Даже неопытный взгляд мог без труда угадать в нескольких сооружениях, приютившихся по краям бетонной площадки конвертора, постройки последних десятилетий. Например, почти одинаковые здания пультовой и локальной диспетчерской. Внутри они были вполне удобными, светлыми, но со стороны казались какими-то непропорциональными и несуразными. Более или менее сносно выглядело только внушительных размеров административное здание, стеклянное и многоэтажное, построенное в начале века, ещё в эпоху Великого подъёма. Сейчас большую его часть занимал медицинский центр, который играл роль региональной больницы. А на седьмом его этаже, в правом крыле, где располагалось территориальное энергетическое начальство, как раз и находился кабинет профессора Сха, из окна которого я сейчас обозревал окрестности. Правда, и административный корпус, возведённый на самом краю территории комплекса, со стороны реки, тоже не очень-то вписывался в общую композицию. Слишком длинный, высокий и какой-то угловатый. Он хоть и имел сплошной остеклённый фасад, но выглядел как-то тяжеловесно, не воздушно, довольно нелепо возвышаясь над прибрежным лугом, мягкой волной сбегавшим к обрыву широкой и степенной в этом месте реки Уараты. А вот купола термоядерного конвертора со своими трубами выглядели так, словно были здесь всегда, от начала времён.

И уж совсем ни на что не был похож энергоаккумулятор профессора Сха – чудо местной науки и техники, из-за которого и шёл сейчас за моей спиной горячий спор. Его отсюда, сверху, было прекрасно видно, только подножие слегка закрывал юго-восточный купол конвертора. Эстетически удачной эту башню неуклюжих, на мой взгляд, пропорций я бы точно не назвал. Я уже знал, что в основе конструкции была высокопрочная ферма, а вокруг неё – приплюснутые коконы из миллиардов слоёв какой-то специальной высокотехнологичной ткани с фрактальной структурой. Ткань эта может накапливать заряд. Получалось что-то вроде гигантского конденсатора, только очень хитро устроенного. Он накапливал энергию конвертора в те моменты, когда в колонии её потреблялось мало, и отдавал, когда её не хватало. Это было важно не только для промышленности нашего мира, но и для военных целей – как только наши орудия орбитальной обороны по случаю учений принимались стрелять, уже после пары хороших залпов свет в городах начинал меркнуть.

Одна из проблем нашей планеты была в том, что только под одним из трёх куполов древнего конвертора горела термоядерная топка. Под остальными двумя было пусто. На самом деле, довести бы наш конвертор до полной комплектации, предусмотренной проектом, – и не нужны никакие энергоаккумуляторы. Но каждый энергоблок для конвертора стоил просто невысказанных денег – столько колонии было не собрать и за двести лет. Ткань для энергоак-

кумулятора тоже стоила сказочно дорого, но со стоимостью нового термоядерного блока эти затраты даже сравнивать было смешно! Так что профессор Сха и его блестящие технические решения были единственной нашей надеждой, как ни крути...

Но всё равно – на словах это звучало красиво и правильно, но то, что получилось, со стороны выглядело, честно говоря, не очень. А между тем, мудрый звёздный скиталец Чакт учил меня в юности, что внешний вид и техническое совершенство всегда связаны.

«Вот! В совершенстве всё и дело!» – подумал я, разглядывая идеальные линии древних куполов конвертора и возвышающееся из-за них несколько корявое творение современных учёных. И я понял, как сформулировать вопрос для заместителя председателя Единого Технического Совета колонии и секретаря университетской научной комиссии так, чтобы он сам помог решить мою задачу.

– Профессор! – громко спросил я, обернувшись, и оба спорщика от неожиданности замерли с открытыми ртами. – Назовите самое худшее, что может произойти с вашим энерго-кумулятором!

– Да ничего с ним не может произойти! – воскликнул профессор Сха, не меняя ранее взятую тональность, и даже ногой немного притопнул.

Но я молчал, глядя на него, и спокойно ожидал ответа. Стаки, молодец, тоже всё понял и не вмешивался, просто переводил дух, пользуясь паузой в своей партии этого глупейшего спектакля.

– Ну... можно предположить... – запнувшись, профессор сбавил тон и на секунду задумался.

– Если предположить мгновенное высвобождение энергии, то будет большая вспышка! – уверенно закончил пожилой учёный. – Исходя из энергетической плотности модулей накопителя, температура в эпицентре может достичь миллиона градусов.

Стаки удивлённо поднял голову. А я снова почувствовал знакомый холодок, как во время разминирования на таможенном терминале, не вполне удачно для меня окончившегося.

– Это ядерный взрыв получится, что ли? – спросил Стаки, позабыв про свой блокнотик с мудростями.

– Ну что вы, молодые люди... – профессор, немного нервно вздохнув, взъерошил свою седую шевелюру. – Природа взрыва будет чисто тепловая. Хотя не спорю, поражающие факторы должны быть во многом похожи... Да только всего этого не случится.

– Это почему же? – с затаённой надеждой спросил я.

– Даже если взрывчатка подложить? – Стаки всегда видел вещи в первую очередь с привычной для него стороны.

– Взрывчатка только нарушит изоляцию кокона. И заряд начнёт стекать... Может возникнуть энергетическая дуга. Потом пожар... Но всё это будет там, на технической площадке, – профессор махнул рукой в сторону окна, за которым солнечный день был в самом разгаре. – В общем, фейерверк получится знатный... Больше ничего.

– А если из пушки импульсной бабахнуть? – к моему неудовольствию, Стаки всё-таки уводил разговор в сторону. А я понимал, что правильнее всего самого профессора заставить отвечать на вопрос о главных угрозах от его детища.

– Будет примерно то же самое, что и от взрывчатки. Локальное повреждение кокона. Порча дорогостоящей установки, – сухо ответил учёный на гадания бывшего военного.

– Ну а что может вызвать... мгновенное высвобождение? – мне всё-таки удалось вклиниться перед очередной идеей Стаки и вернуть разговор к сути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.